

Михайлюк Н. П.,
кандидат філологічних наук, доцент,
доцент кафедри іноземних мов
Національного університету «Одеська юридична академія»

ОСОБЕННОСТИ ПРОНОМИНАЛЬНОЙ АНТРОПОГЕНДЕРНОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ В СФЕРЕ ЗООНИМИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ

Аннотация. Статья посвящена особенностям прономинальной антропогендерной транспозиции весьма распространенной в текстах художественной прозы, фольклорных и авторских сказок, когда одновременно происходит персонификация и гендерная идентификация объекта изображения с помощью соответствующих прономинальных единиц, в которых актуализируется категория рода.

Ключевые слова: антропогендерная прономинальная транспозиция, транспозитивные местоимения, зоомизм, гендерная сема, персонификация, метафоризация.

В настоящее время актуальными являются исследования, в которых особое внимание уделяется когнитивному аспекту лингвистики, в том числе художественному познанию действительности [2; 5].

Художественное представление мира в образах дает возможность по-новому взглянуть на известные явления и предметы, выявить их скрытые качества, что немаловажно для постижения их сути. Вопросы изучения все новых аспектов тропогенеза невольно выводят на проблемы прономинальной транспозиции, которая играет большую роль в создании метафорических образов. Это направление грамматической, а точнее морфологической, стилистики детально пока не рассматривалось, хотя значение прономинальных средств в создании тропов подчеркивалось в целом ряде исследований [3; 4].

В нашей статье мы подробнее остановимся на особенностях антропогендерной транспозиции и на функциях прономинальных единиц в создании метафорических образов.

Под антропогендерной транспозицией, понимается замена местоимений мужского рода и женского рода местоимением неопределенного рода *it*, а также обратная замена, когда местоимения неопределенного рода вытесняются местоимениями одушевленного блока с четко выраженной гендерной отнесенностью (*he, his, her* и т.д.).

Подобные замены приводят к метафоризации соответствующих объектов, при этом могут возникать как оригинальные, так и стертые метафоры.

Антропогендерная транспозиция затрагивает различные концептуальные сферы, в том числе такие, как «фауна и флора», «пространственно-географические объекты», «природные явления», «абстрактные понятия», «вещный мир».

Анализ показал, что в области фауны гендерная привязка зоонимических образов происходит либо в соответствии с фольклорной традицией, либо определяется конкретными творческими задачами писателей.

Как известно, наименования животных при затемненной гендерной семе по правилам классической грамматики соотносятся с нейтральными местоимениями 3 лица ед. числа – *it, its, itself* [1]. Однако в художественном тексте при вводе в ткань произведения тропеических средств, многие зооморфические сущности подвергаются антропоморфизации, – они персонифицируются, наделяются человеческими качествами.

При этом анализ англоязычных текстов свидетельствует о том, что в случае выполнения ими символической функции чаще всего побеждает андрогенное начало: зоонимы соотносятся с местоимениями мужского рода ед. числа *he, his, him, himself*.

У Эмили Дикинсон птица (как родовое понятие) также имеет андрогенную прономинальную привязку:

A bird came down the walk: / He did not know I saw; / He bit an angleworm in halves / And ate the fellow raw [8, 192].

Вполне традиционен андрогенный образ орла, воплощающего силу и мощь, у А. Теннисона:

He claps the crag with crooked hands, / Close to the sun in lonely lands, / Ringed with the azure world. He stands / The wrinkled sea beneath him crawls; / He watches from his mountain walls, / And like a thunderbolt he falls [15, 509].

Известная канарейка С. Хемингуэя из его рассказа «*Canary for one*» – существо андрогенное.

Прибегает писатель в этом произведении к своему излюбленному приему, – катафорическому вводу местоимения, в данном случае местоимения *He*. С одной стороны, это позволяет создать у читателя ощущение подключенности к уже известной ситуации. С другой стороны, читатель до середины шестого абзаца остается заинтригованным:

«I bought him in Palermo», the American lady said. ... He really sings very beautifully» [12, 177].

И только благодаря стараниям писателя, ощутив всю атмосферу путешествия, читатель наконец получает и более конкретную информацию об упомянутом «певце»:

The canary from Palermo, a cloth spread over his cage, was out of the draft in the corridor that went into the compartment wash-room [ibid., 178].

Далее эта транспозиция выдерживается на протяжении всего рассказа, – с помощью не только личного местоимения *he*, но и притяжательного *his*:

The canary chirped and the feathers on his throat stood out, then he dropped his bill and pecked into his feathers again [ibid., 179].

Знаменитая чайка Ричарда Баха (повесть «*Jonathan Livingston Seagull*») также существо андрогенное:

But way off alone, out by himself beyond boat and shore, Jonathan Livingston Seagull was practicing. A hundred feet in the sky he lowered his webbed feet, lifted his beak, and strained to hold a painful hard twisting curve through his wings [7, 150].

Отметим, однако, что андроцентричность образа чайки не является универсальной в мировой литературе. В этой связи можно напомнить, что у А.П.Чехова чайка, наоборот, ассоциируется исключительно с женским началом. Нина Заречная неоднократно говорит о себе: «Я – чайка ...». Она прямо идентифицирует себя с подстреленной птицей, обращаясь к Треплеву: «Помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил...» [6, 130].

Как правило, получают антропогендерную конкретизацию образы собак в произведениях Джека Лондона. Они всегда являются равноправными участниками действия наряду с персонажами-людьми. Их родовая принадлежность определяется принадлежностью к тому или иному реальному полу. Ср.:

1) «As I was saying, just look at Shookum here – he's got the spirit. Bet ye he eats Carmen before the week's out» [13, 39].

2) Carmen, who still clung to her slender thread of life was downed by the pack [ibid., 47].

Что касается насекомых, то К. Бруннер вообще считает, что при гендерной идентификации насекомых наблюдается тенденция к актуализации категории женского рода [1, 26]. Действительно, трудолюбивая пчела (*the bee*) из стихотворения Айзека Вотта является особью женского рода:

How skilfully she builds her cell, / How neat she spreads the wax / And labours hard to store it well / With the sweet food she makes [14, 25].

Однако наши наблюдения показали, что такая гендерная привязка происходит далеко не всегда. Так, а *butterfly* может иметь и андрогенную идентификацию. У Р. Фроста а *butterfly* это скорее не «бабочка», а «мотылек»:

(1) *And once I marked his flight go round and round <...>*

(2) *And then he flew as far as eye could see, / And then on tremulous wing came back to me* [11, 252].

Антропогендерная транспозиция в сфере зоонимов происходит нередко тогда, когда животные воспринимаются как члены семьи, когда их жизнь тесно связана с жизнью хозяев. Это прежде всего касается домашних животных. Правда, некоторые ученые абсолютизируют данную тенденцию [1, 25]. В действительности, вытеснение гендерно нейтрального *it* гендерно определенными *she* или *he* происходит не всегда. Выбор местоимений здесь может быть обусловлен и таким фактором как тип повествования.

Так, в соответствии с нормативной грамматикой существительное *cow* должно коррелировать с местоимением *it*. В авторской, достаточно отстраненной речи романа У. Фолкнера «Особняк» (*Mansion*) это правило полностью соблюдается:

He ate his supper, peacefully and without haste, not even listening for the cow and whoever would be leading it this time [10, 30].

Вместе с тем в персонажной речи происходит прономинальная транспозиция, обусловленная личностным отношением героев к происходящему.

Хозяйин коровы, которая стала причиной его несчастий, при антропоморфизации «оживляет» сему женского рода, что подчеркивается соответствующими местоимениями (*she, her*) в его персонажной партии:

«So since eight dollars seems to be the price of this cow, I reckon I owe you that for wintering her. Which makes her a sixteen-dollar cow now, don't it, whether she knows it or not» [ibid., 23].

Там, где авторская речь переходит в несобственно-прямую речь, т.е. там, где в романе частично сохраняется голос персонажа, существительное *cow* также коррелирует с антропогендерным местоимением *she* и его соответствующими парадигматическими формами:

By not claiming the worthless cow yet, he would not only winter her, he would winter her twice – ten times – as well as he himself could afford to... [ibid., 18].

Именно транспозит *her* является одним из важнейших маркеров голоса персонажа в этом фрагменте несобственно-прямой речи, вытесняя нейтральное авторское *it*.

В сказках многие животные и птицы становятся носителями качеств, которые приписываются женщинам или мужчинам. В этом случае преимущественно используется конвенциональная гендерная референция. Так, бегемот (*hippo*), лев (*lion*), орел (*eagle*) – обычно олицетворяют различные мужские качества (мощь, сила, рост, вес). Поэтому субститутами этих зоонимов, как правило, являются местоимения мужского рода, как, например, грозный орел из английской народной сказки «Золотая табакерка» (*The Golden Snuff-box*):

... soon they (the two little birds) returned leading a great fierce eagle. He flew down on his broad and alighted on pinnacle of the King's palace [9, 170].

Иными словами, там, где животные это символы определенных женских или мужских качеств, где они являются определенными архетипами, – там используются и конвенциональные гендерные прономинальные маркеры *he* или *she* в зависимости от того, символизируют ли они мужское или женское начало.

В авторской сказке гендерные характеристики скорее зависят от субъективных авторских представлений, чем от каких-либо традиционных ассоциаций. Так, в сказке О. Уайльда *Nightingale* (соловей) – это существо женского рода, *Green Lizard* (ящерица) и *Linnet* (коноплянка) – мужского рода.

К мужскому роду принадлежит у О. Уайльда и Водяная крыса – (*Water-rat*). Этот сказочный персонаж наделен всеми характеристиками, которые присущи мужчинам. Особенностью многих сказочных героев является то, что они одновременно и люди, и животные: антропоморфные и зооморфические качества в них слиты воедино. Это в полной мере относится и к уже упомянутому «джентельмену» – Водяной Крысе:

One morning the old Water-rat put his head out of his hole. He had bright beady eyes and stiff grey whiskers, and his tail was like a long bit of black India-rubber [16, 53].

Таким образом, гендерная идентификация зоонимических существ с помощью местоимений может осуществляться на основе нескольких принципов.

При наличии ярковыраженной гендерной семы в исходном зоониме (*bull, mare, cow*), прономинальный

транспозит практично завжди погоджується з нею в роді (для *bull – he*, для *mare* і *cow – she* і проч.).

При амбівалентності (*horse*) або при відсутності у іменника гендерної ознаки вибір родового знака здійснюється або в відповідності з традицією, закріпленою в фольклорі, – що частіше всього проявляється в поезії і авторській казці, – або в залежності від рішення конкретних творчих завдань і загальної системи образів, яку вираховує автор. Останнє спостерігається переважно в прозаїчних творах, – романах, оповіданнях, новеллах, повістях.

Література:

1. Бруннер К. Історія англійської мови / К. Бруннер [пер. з англ. Б.А. Ільїша]. – М.: Едиторіал УРСС, 2003. – 720 с.
2. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. Кубрякова. – М.: РАН, 1997. – 327 с.
3. Кухаренко В.А. Інтерпретація тексту. / В. Кухаренко. – Изд. 3-е испр. – Одеса: Лагстар, 2002. – 292 с.
4. Мізещька В.Я. Пронімінальна транспозиція в різних типах тексту / В. Мізещька // Науковий вісник Чернівецького ун-ту. – 2003. – Вип. 165–166. – С.124 – 130.
5. Телия В.Н. Метафоризація і її роль в створенні мовної картини світу // Роль людського фактора в мові: мова і картина світу. / В. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 173 – 204.
6. Чехов А.П. Чайка / А. Чехов // Чехов А.П. П'єси. – М.: Художественна література, 1982. – С. 81 – 133.
7. Bach R. Jonathan Livingston Seagull / R. Bach // Eleven American Stories. – М.: IR, 1978. – P. 150 – 177.
8. Dickinson E. A Bird Came Down the Walk / E. Dickinson // The Mentor Book of Major American Poets. – New York: New American Library, 1962. – P. 192.
9. English Fables and Fairy Stories. – L.: Oxford University Press, 1954. – 234 p.
10. Faulkner W. The Mansion / W. Faulkner. – L.: Chatto and Windus Ltd, 1961. – 399 p.
11. Frost R. The Tuft of Flowers // The Mentor Book of Major American Poets. – New York: New American Library, 1962. – P. 251 – 252.
12. Hemingway E. A Canary for One / E. Hemingway // Selected Stories by Ernest Hemingway. – М.: Progress Publishers, 1971. – P. 177 – 183.
13. London J. White Silence / J. London // Jack London. Short Stories. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1950. – P. 39 – 48.
14. Prokhorova V. Oral Practice through Stylistic Analysis / V. Prokhorova, E. Soshalskaya. – М.: VŠ, 1979. – 115 p.
15. Tennyson A. The Eagle / A. Tennyson // What Is the English We Read. – М.: Prospect, 2003. – P. 509.
16. Wilde O. Fairy Tales / O. Wilde – М.: Progress Publishers, 1979. – 212 p.

Михайлюк Н. П. Особливості пронімінальної антропогендерної транспозиції в сфері зоонімічних концептів

Анотація. У статті розглядаються особливості пронімінальної антропогендерної транспозиції, широко розповсюдженої в текстах художньої прози, фольклорних та авторських казках, коли одночасно відбувається персоніфікація й гендерна ідентифікація об'єкта зображення при допомозі відповідних пронімінальних одиниць, в яких актуалізується категорія роду. При персоніфікації тварин, у назвах яких чітко простежується гендерна сема, саме вона задає гендерний знак пронімінального субституту. При амбівалентності чи повній гендерній невизначеності іменника-зоосемізма спостерігається суб'єктивний авторський підхід, а вибір родової ознаки зумовлюється конкретними творчими завданнями.

Ключові слова: пронімінальна антропогендерна транспозиція, транспозитивні займенники, зоосемізм, гендерна сема, персоніфікація, метафоризація.

Mykhailiuk N. Peculiarities of Pronominal Anthropogender Transposition in the Sphere of Zoosemic Concepts

Summary. Anthropogender transposition as one of the contaminated forms is widely applied in fiction, folklore and author's fairy tales where simultaneous personification and gender identification of the portrayed object have taken place. The phenomenon is realized by means of corresponding pronominal units within which a gender category is actualized. Figurative and stylistic functioning of pronominal transpositive peculiarities is revealed in anthropogender transposition as a powerful means of metaphorization. It is anthropogender transposition that specifies a gender marker for a pronominal substitute (mare – she; bull – he) while personifying animals having an explicit gender seme. By using ambivalence or full gender ambiguity of a noun-zoosemism author's subjective approach is observed. At the same time the choice of a gender marker depends on the specific creative targets of the author.

Key words: anthropogender pronominal transposition, zoosemism, pronominal substitute, gender seme; personification, metaphorization.